

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи.

Образъ Горя.

I.

Мѣсто повѣсти среди произведеній народной поэзіи.

Вопросъ объ отношеніи Повѣсти о Горѣ-Злочастіи къ русской народной поэзіи пока еще не решенъ въ опредѣленномъ смыслѣ. Первый издатель повѣсти, Н. И. Костомаровъ, колебался въ опредѣленіи ея характера; признавая, что по формѣ она иринадлежитъ къ разряду былинъ, Костомаровъ не счелъ возможнымъ всецѣло причислить ее къ этому разряду; по выраженію Костомарова, „и философскій тонъ, и стройное изложеніе показываютъ въ ней не чисто народное, а сочиненное произведеніе“. То же колебаніе замѣтно у всѣхъ изслѣдователей, касавшихся повѣсти. Послѣдній издатель ея, г. Сиповскій, видѣть въ народныхъ произведеніяхъ, группирующихся около повѣсти, „элементы, изъ которыхъ она сложилась“; но обращаясь къ пѣснямъ о Горѣ, ближайшимъ по содержанію къ повѣсти, г. Сиповскій признаетъ, что эти пѣсни въ некоторыхъ отношеніяхъ сокращаютъ текстъ повѣсти¹, изъ чего прямо слѣдуетъ выводъ, что онъ восходятъ къ ней и не могли служить ея элементами.

Чтобы выяснить отношеніе повѣсти къ устнымъ произведеніямъ, необходимо прежде всего опредѣлить составные элементы повѣсти. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ чертамъ:

- 1) Грѣхопаденіе Адама.
- 2) Наставлѣнія родителей молодцу.
- 3) Ограбленіе молодца другомъ въ кабакѣ и уходъ на чужую сторону.
- 4) Молодецъ на пиру.
- 5) Наставлѣнія добрыхъ людей.

¹ Вводная статья Костомарова перепечатана при изданіи П. Симони: Памятники старинного русского языка и словесности, вып. VII, 1, Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, стр. 5. Вводная ст. В. В. Сиповскаго—въ его изданіи: Русскія повѣсти XVII — XVIII в. в. Спб. 1905. Стр. XXXVI — XXXVII.

- 6) Наживаніе богатства.
 - 7) Намѣреніе жениться.
 - 8) Горе подслушиваетъ похвальбу молодца.
 - 9) Совѣтъ Горя отказать невѣстѣ и идти въ кабакъ.
 - 10) Второї совѣтъ Горя, явившагося въ видѣ Архангела Гавриила.
 - 11) Второе пьянство молодца и второй уходъ на чужую сторону.
 - 12) Рѣка на дорогѣ.
 - 13) Намѣреніе молодца утопиться.
 - 14) Горе мѣшаеть этому намѣренію и заставляетъ молодца поклониться ему до земли.
 - 15) Перевозчики перевозятъ молодца за его хоронью напѣвочку.
 - 16) Добрые люди, крестьяне, совѣтуютъ молодцу идти на родину и просить прощенія у родителей.
 - 17) Новое появленіе Горя въ полѣ.
 - 18) Оборотничество молодца и Горя.
 - 19) Горе совѣтуетъ бить и грабить людей.
 - 20) Уходъ молодца въ монастырь.
- Таковы основныя черты содержанія новѣсти. Отдѣльно нѣкоторыя изъ этихъ чертъ находятся во многихъ народныхъ произведеніяхъ; но для насъ важнѣе найти такія, въ которыхъ повторялись бы всѣ главнѣйшія черты содержанія повѣсти. Таковыми нужно признать двѣ „старины“, записанныя въ Книжахъ, Петрозаводскаго у., отъ двухъ извѣстныхъ сказателей Кузьмы Романова¹ и Трофима Рябинина². Изъ 20 намѣченныхъ выше чертъ въ содержаніи повѣсти въ пересказѣ Романова содержатся слѣдующія 12 чертъ: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 15, 18, 20. Въ пересказѣ Рябинина содержится слѣдующія 4 черты: 6, 11, 17, 18; что касается третьей черты, то она измѣнена въ томъ смыслѣ, что молодца грабить не другъ, а голи кабацкіе. Изъ этого сравненія видно, что пересказъ Рябинина столь же отличается отъ пересказа Романова, какъ послѣдній отъ повѣсти; но и въ первомъ содержатся черты повѣсти, вынавшія въ пересказѣ Романова. Тотъ видъ былины, отъ котораго пошли два извѣстные намъ варіанта, очевидно, имѣлъ 14 черть изъ намѣченыхъ мною 20. Отсюда ясно, что повѣсть и двѣ былины представляютъ собою три варіанта одного и того же произведения. Можно думать, что нѣкоторыя черты новыхъ пересказовъ выпали еще въ повѣсти, несмотря на то, что она была записана въ XVII в. Сюда, напр., можно отнести название рѣки „Смородина“, сохраненное въ пересказѣ Романова (а также въ краткихъ пересказахъ сборника Варенцова).

¹ Пѣсни Рыбникова, I изд., т. I, 479; II изд., т. I, 307.

² Тоже, I изд., т. 471; II изд., т. I, 133; Гильфердингъ, № 90.

Указанныя отношения повѣсти къ былинамъ новой записи не устраниютъ предположенія такого рода: не представляютъ ли собою олонецкія старинны народную передѣлку литературнаго произведенія? Чтобы выяснить этотъ вопросъ, остановимся на тѣхъ чертахъ повѣсти, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ указанныхъ былинахъ:

1) Грѣхопаденіе Адама.

Эта черта, играющая роль вступленія въ повѣствованіе, въ той же роли имѣется въ пересказѣ духовнаго стиха о Голубиной книгѣ, включенномъ въ сборникъ Кирши Данилова. Зачинъ этого пересказа почти буквально совпадаетъ съ зачиномъ повѣсти.

Повѣсть о Горѣ.

А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго сотворилъ небо и землю, сотворилъ Богъ Адама и Евву. Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю, далъ имъ заповѣдь божественну: не повелѣлъ вкушати плода винограднаго отъ едемскаго древа великаго... Прельстился Адамъ со Еввою..., вкусили плода винограднаго отъ дивнаго древа великаго... И вселилъ ихъ на землю на нисскую... и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть...

Стихъ о Голубиной книгѣ.

Да съ начала вѣка животлѣннова сотворилъ Богъ небо со землею, сотворилъ Богъ Адама съ Еввою. Надѣлилъ питаньемъ во свѣтломъ раю... жити во свою волю, положилъ Господь на ихъ заповѣдь великую...: не скушать Адаму съ единою древа тово сладка плоду виноградова... Прелестила змѣя подколодная, приносила ягоды съ единицами древа. Одну ягоду воскушаль Адамъ... Опушаль на землю ево трудную... Отъ своихъ трудовъ онъ сталъ сытымъ быть...

8) Горе подслушиваетъ похвалъ молодца.

Эта черта, играющая въ повѣсти роль главнѣйшаго момента, когда впервые появляется Горе; въ той же самой роли имѣется въ стихѣ про удачу-доброго молодца¹. Въ повѣсти молодецъ хвастается своимъ счастьемъ и богатствомъ; его „хвастанье молодецкое“ подслушиваетъ Горе; въ стихѣ онъ восхваляетъ себя за родство и прирождество; Горе является тотчасъ изъ-подъ моста, по которому погуливавъ молодецъ, „со того слова съ молодецкаго“. Въ отличие отъ повѣсти Горе является въ стихѣ послѣ рѣчи о рекѣ Смородынѣ или Смородовкѣ; но въ этомъ отношеніи стихъ сходенъ съ вариантомъ повѣсти—указанной выше былиной Рябинина, въ которой Горе появляется на сцену въ самомъ концѣ, когда молодецъ побѣжалъ въ поле.

¹ В. Варенцовъ, Сборникъ русскихъ дух. стиховъ, 128, 131.

Такимъ образомъ, оказывается, что двѣ важныя черты повѣсти, не сохранившися въ олонецкихъ старинахъ, находятся въ другихъ произведеніяхъ устной поэзіи. Изъ этого факта самъ собою вытекаетъ выводъ, что повѣсть о Горѣ-Злочастіи—устное произведеніе, стоящее на границѣ между былинами и духовными стихами.

Доподлинно до насъ въ единственной рукописи текстъ Повѣсти о Горѣ-Злочастіи нельзя признать вполнѣ точною записью эпической пѣсни. Нѣкоторыя частности этого текста довольно легко выдѣлить изъ состава Повѣсти, въ виду того, что онѣ не подходятъ подъ стихотворный метръ. Сюда принадлежатъ между прочимъ начальныя слова Повѣсти. Вотъ эти слова: „Изволеніемъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Вседержителя отъ начала вѣка человѣческаго“. Даѣтъ слѣдующіе слова, точно соотвѣтствующія началу „Голубиной книги“ въ пересказѣ Кирилла Данилова. Этими словами, и начиналась, очевидно, пѣсня. Что-же касается выдѣленныхъ мною выраженій, то слова „отъ начала вѣка человѣческаго“ не имѣютъ синтаксического смысла, слѣдовательно, представляютъ собою очевидную вставку, а стоящія передъ этой вставкой слова являются приступомъ, повидимому, традиціоннымъ у сѣверно-русскихъ повѣствователей-книжниковъ XVI—XVII в.в. Точно такимъ приступомъ начинается „Повѣсть о приходѣ царя Иоанна IV Василіевича въ Новгородъ“: „Посѣщеніемъ и изволеніемъ и наказаніемъ Вседержителя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа¹. Сходство между исторической повѣстью о разгромѣ Новгорода и Повѣстью о Горѣ-Злочастіи не ограничивается начальными словами: во введеніи къ первой повѣсти проводится та же идея, что и въ Повѣсти о Горѣ. Авторъ повѣсти о новгородскомъ погромѣ говорить о томъ, что „приходитъ съ небеси гиѣвъ Божій на сыны противныя и непокорныя“. Идея необходимости покоряться проводится и во вступлении къ Повѣсти о Горѣ („племя... къ своей матери непокорливо“). На основаніи изслѣдованія метрической стороны Повѣсти о Горѣ возможно выдѣлить и другія мѣста, въ которыхъ можно распознать авторство неизвѣстнаго лица, запи-савшаго или, лучшее сказать, изложившаго письменно пѣсенный текстъ. Такимъ образомъ можно выдѣлить, напр., слѣдующія книжническія выраженія: 1) „безживотіе злое, сопоставная находы, злую непомѣрную наготу и босоту, и безконечную нищету и недостатки послѣдніе“; 2) „тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери“, и т. п.

Теперь обратимся къ вопросу о происхожденіи поэтическаго образа Горя, который носить въ повѣсти не вполнѣ опредѣленный характеръ.

¹ Новгородская лѣтопись. Спб. 1879. Стр. 393.

II.

Происхождение поэтического образа Горя.

Въ одномъ причитаніи, записанномъ въ Олонецкой губ., разсказывается о томъ, что Горе сидѣло въ подземельныхъ порахъ: когда эти норы раскрыли,

Съ подземелья злое Горе разомъ бросилось...
Много прибрало семейныхъ головушекъ,
Овдовило честныхъ мужнихъ молодыхъ женъ,
Осиротило сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.

По замѣчанію Жданова, здѣсь образъ Горя вполнѣ совпадаетъ съ представлениемъ Смерти ¹. Подобнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ повѣсти Горе представлено всегубительнымъ существомъ, похожимъ не на злую участь вообще, а именно на смерть:

Молодецъ сталь в полѣ ковыл-трава,
А Горе пришло с косою вострою;
Да еще Злачестіе над молотцемъ насыпалось:
„Быть тебѣ, травонка, посѣченой,
„Лежат тебѣ, травонка, посѣченой
„И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной!“
Пошел молодец в море рыбью,
А Горе за нимъ счастными неводами;
Еще Горе злачестное насыпалось:
„Быти тебѣ, рыбонкѣ, у бережку уловленой,
„Быть тебѣ да и съѣденой,
„Умереть будетъ напрасною смертю!“

Такого рода представленія Горя находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ образахъ смерти, которая встрѣчаются въ средне-вѣковыхъ памятникахъ: „смерть—косарь, который подкашиваетъ человѣческія существованія, какъ траву; смерть—охотникъ, который ловить людей, точно дичь“ ²; смерть — хищная птица ³. Такіе образы лежать въ основѣ широкопроявленныхъ лирическихъ или лиро-

¹ Сочиненія И. И. Жданова, I, 726.

² Ждановъ, Сочиненія, I, 537.

³ Тамъ же, стр. 711—714.

эпическихъ пѣсенъ о Горѣ¹. Въ нихъ повторяются мотивы кощенія (или жатвы), охоты и прилетанія хищной птицы (или хищнаго звѣря); Горе въ нихъ обладаетъ почти тѣми же родами оружія, что и Смерть въ житіи Василія Новаго и Прѣнія Живота со Смертью²: косою, серпомъ, граблями, лопатою, сѣтью, неводомъ. Большая часть этихъ пѣсень оканчивается смертью героя или геройни, при чемъ Горе за- капываетъ ихъ въ землю. Повѣсть о Горѣ-Злочастіи находитъ другой выходъ для молодца въ его борьбѣ съ Горемъ: молодецъ постригается въ монахи, а Горе остается у воротъ монастыря; но одинъ изъ вариантовъ старины о Горѣ заканчивается смертью героя: Горе летѣло за молодцемъ ворономъ, и молодецъ преставился.

Отсюда видно, что въ основѣ образа Горя, даннаго въ повѣсти, былъ литературный образъ Смерти. По этому есть полное основаніе сравнивать повѣсть съ тѣми произведеніями, которая рассказываютъ о борьбѣ героя со смертью. При этомъ, конечно, нужно взять лишь вторую, меньшую, половину повѣсти, такъ какъ въ первой половинѣ (въ изданіи г. Симони стр. 27 — 38, строки 1—208) Горе не упоминается.

Прежде всего сравнимъ повѣсть съ Прѣніемъ Живота со Смертью.

8) Горе подслушиваетъ похвальбу молодца.

Молодецъ хвалится своимъ богатствомъ. Въ Прѣніи богатырь хвалится силою³, но въ то же время онъ „богать зѣло, имъя у себя много золата и серебра, и красныхъ ризъ“⁴. Смерть въ Прѣніи является такъ же неожиданно, сейчасъ же за похвальбою, какъ и Горе—въ повѣсти. Слова Горя:

„Бывали люди у меня Горя,
„И мудряя тебя и досужае—
„И я ихъ, Горе, перемудрило ..
„До смерти со мною боролися...
„Нани⁵ они во гробъ вселилися“.

Въ Прѣніи то же самое говорить Смерть: „Не мудряя ты царя Соломона..., не умняя ты Акира Иремудраго⁶... Человѣци таціи же быша, яко и ты—и противо мя не могоща братися“⁷.

Въ повѣсти Горе представлено злымъ демономъ-искусителемъ.

¹ Эти пѣсни указаны мною въ Бѣломорскихъ былинахъ, стр. 612.

² См. Соч. Жданова, I, 707, 697, 701.

³ Ждановъ, I, 700—701.

⁴ См. приложеніе.

⁵ Пока не.

⁶ См. приложеніе.

⁷ Ждановъ, I, 695.

Но въ концѣ оно является совершенно другимъ существомъ, что противорѣчить общему замыслу слагателя. Когда молодецъ хочетъ утопиться.

14) Горе мѣшаетъ этому намѣренію и заставляетъ молодца поклониться ему до земли.

Горе напоминаетъ ему, что прежде онъ не захотѣлъ покориться и поклониться своимъ родителямъ. Въ Прѣніи Смерть говорить Животу: „Было ти врѣмя покаянія, но въ гордости и въ славѣ прѣбысть“¹. Роль Смерти здѣсь вполнѣ понятна; что же касается подобнаго нравоученія Горя, то оно можетъ быть объяснено лишь, какъ заимствованіе изъ Прѣнія.

Съ Прѣніемъ стоитъ въ весьма близкой связи стихъ обь Аникѣвоинѣ. Поэтому есть сходство между повѣстю и стихомъ. Нѣкоторыя черты Смерти, какъ она изображена въ стихѣ, вполнѣ отвѣчаютъ чертамъ Горя въ повѣсти. Въ стихѣ Смерть говоритъ Аникѣ:

Нѣть у меня, у смерти,
Не отца и не матери,
Нѣть и малыхъ дѣтокъ,
Нѣту и молодой жены,
Нѣть ни сродниковъ, ни пріятелевъ...
Я гдѣ раба застигаю,
Я тутъ раба воскошаю:
Хоть во чистымъ полѣ,
Хоть на синімъ морѣ,
Хоть въ темнымъ лѣсѣ,
Хоть при пути, при дороги².

Горе не такое одинокое, какъ Смерть; поэтому въ повѣсти оно не можетъ говорить обь отсутствіи у него родни; но порядокъ расположения мыслей въ повѣсти тотъ же, что и въ стихѣ.

Нѣ одно я Горе — еще сродники,
А вся родня наша добрая,
Всѣ мы гладкіе, умильныя.
А кто въ семью къ намъ примѣшается,
Ино тотъ между нами замучится...
Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбью,—
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.

¹ Тоже, 697.

² Варенцовъ, Сборникъ русскихъ дух. стиховъ, 126, ср. пб.

Нѣкоторое сходство представляютъ слѣдующія слова Смерти и Горя. Смерть говорить Аникѣ:

Гдѣ тужутъ, плачутъ,
Тутъ мнѣ, смерти, и празникъ¹.

Горе говоритъ молодцу:

Хочу я, Горе, въ людехъ жить...
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ.

Наконецъ, повѣсть сближается съ Прѣниемъ и со стихомъ обѣ Аникѣ обиліемъ разговоровъ. Появленіе длинныхъ рѣчей Горя въ повѣсти трудно объяснить иначе, какъ вліяніемъ Прѣнія, представляющаго въ своей старой формѣ чистый діалогъ.

А. В. Марковъ.

¹ Варенцовъ, 127.